

ВИНЦЕСЬ МУДРОВ

ПОСЛЕДНЯЯ РЕПЕТИЦИЯ

SHAE
LOVES YOU
YEAH YEAH YEAH

Винцесь Мудров

Последняя репетиция

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Мудров В.

Последняя репетиция / В. Мудров — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Середина 60-х годов прошлого столетия... На одном из облюбованных туристами греческих островов в Эгейском море местный бит-квартет разучивает «битловскую» песню She Loves You. У ребят никак не получается концовка, и в это время на танцевальной площадке, где проводится репетиция, появляется элегантный янки в темных очках и белых шортах. Гость пытается что-то подсказать молодым музыкантам, но руководитель бит-группы Никос его прогоняет. Что было потом – читатель узнает, прочитав рассказ «Последняя репетиция» из одноименного прозаического сборника белорусского писателя Винцеся Мудрова. Сборник объединяет девять рассказов, написанных в разное время и в разной стилистической манере. Авторизованный перевод с белорусского Максима Мудрова.

© Мудров В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Последняя репетиция	5
Смерть Степана Кузьмича	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Винцесь Мудров

Последняя репетиция

Последняя репетиция

Вода с утра была прохладной. Он даже охнул, нырнув под волну. Далеко, однако, не заплыval. Проплыл не более десяти ярдов, и повернулся обратно. Пару лет назад, на Канарах, его потянуло отливом в открытое море, с той поры остерегался заплывать далеко от берега.

Шезлонг приятно согрел спину, в лицо повеяло ѹодистым духом водорослей, и не успел сомкнуть век, как сразу – так всегда бывает после купания в холодной воде – погрузился в дремоту.

Солнце медленно гасло, рассыпалось тусклыми бликами по неспокойной воде, розовым пожаром отражалось в окнах старых, увитых плющом домов на Менлов-авеню. Он жал на педали велосипеда и серый асфальт мягко ложился под колеса...

– Джонни! – крикнули неподалеку и он очнулся. Кажется, заснул на мгновение, а между тем на горизонте – там, где море сливалось с небом, – успел возникнуть белый корабль, который медленно, почти незаметно для глаз, плыл в утренней дымке.

– Джонни! Вода холодная. Я тебе не разрешаю купаться! – кричала, с заметным корнуэльским акцентом, дородная землячка. Тот, кому она кричала – загорелый белоголовый мальчишка – заходил по колено в воду и тут же отбегал, спасаясь от накатистой волны.

В душном, обставленной в восточном стиле гостиничном номере, плохо спалось, и с первым солнечным лучом, что пронзил неплотные жалюзи, он отправился к морю.

Народу на пляже было мало: женщина с внуком, еще какие-то белотелые типы, с виду, скандинавы. Чуть поодаль играли в бадминтон рыжеволосая девушка с парнем.

Он снял темные очки, потер глаза. От солнечного света и бешенства ярких красок кольнуло в висках. Особенно впечатляла зеленая стена олеандров, что окружала пляж. В этот миг девушка, подбиравшая волан из-под ног, глянула в его сторону, и пришлось торопливо надвинуть очки на переносицу. Рыжуха так и замерла, согнувшись, и волан выпал из тонких пальцев. Он затаил дыхание, положил руки на лоб, чтобы хоть как-то прикрыть лицо, краем глаза взглянул на девушку. Та выпрямилась, что-то сказала парню, и тот с улыбкой махнул рукой.

– Уф-ф... – вырвалось из груди. – Слегка приподняв очки, он стал смотреть на белый корабль, что плыл навстречу солнцу.

Это был третий день отдыха – тут, на острове, посреди белогривого Эгейского моря. И хотя в отеле было полно земляков и еще больше американцев, его до сих пор никто не узнал. Правда, даже вечером, приходилось ходить в темных очках.

Корабль загудел на прощание, слился с сиреневой дымкой.

Он сомкнул веки и подумал, что стоило бы взять на прокат велосипед и проехаться, как в юности, по пыльным проселкам. В памяти опять возникла Менлов-авеню, улица детства, а в сознании родилась сочиненная им песня. Вначале песня звучала глухо, невнятно, и вдруг взорвалась гитарными аккордами. Довелось встряхнуть головой, и музыкальные отголоски, смешавшиеся с шумом прибоя, отзывались где-то на другом конце пляжа.

– Давай еще раз, без гитар, – выдохнул Никос – чернявый девятнадцатилетний парень. – Йорго, дай ритм.

Йорго, белоголовый подросток, грохнулся по большой тарелке и мелко застучал по барабанам.

– She loves you, yeah! yeah! yeah! yeah! – грянули в четыре глотки, но последнее «е-е» опять не получилось.

– Не то поём. Слушаем еще раз.

Никос включил магнитофон и веранда наполнилась высокими «битловскими» голосами.

– Нам так не спеть, – уныло проговорил басист Спирос, мельком глянув на часы. – По утрам Спирос ловил с отцом губки в заливе и должен был бежать к пирсу.

– Ладно. Прогоним последний куплет – и разбегаемся.

Никос махнул барабанщику, удариł по гитарным струнам, но сам не запел. Слушал, кто фальшивит: Манол, Йорго или Спирос?

Никто и не заметил, как на танцевальной площадке появился чувак в модной белой рубашке и в таких же белых шортах.

– Калимера! – поздоровался незнакомец, потом заговорил по-английски, и все вопросительно взглянули сначала на гостя, а потом на басиста. Спирос два года жил с родителями в Глазго и хорошо знал английский язык.

– Говорит, последнее «е-е» нужно брать на терцию ниже.

«Янки», – подумал Никос. В прошлом году он работал кельнером на морском пароме, выучил несколько английских фраз, и первая фраза, которую вспомнил, была:

– Go away!

Гостя такие слова не смущили.

– It's our song, – произнес он с улыбкой.

Никос понял без переводчика. Такие слова его возмутили.

– Это песня «Битлз»! Ты хотя бы знаешь, кто такие «Битлз»?! – Никос произнес это по-гречески, но янки его понял и все с той же наглой улыбкой кивнул головой.

Спирос что-то крикнул незнакомцу, тот пошел было к эстраде, но вдруг остановился, щелкнул пальцем по часам. Постояв еще минутку, иностранный гость помахал им рукой и двинулся к выходу.

– Что ты ему сказал? – Никос вдруг почувствовал душевную неловкость.

– Попросил сбацать что-нибудь на гитаре.

– Да этот янки, по-видимому, и гитары в руках не держал.

– Он англичанин, а не американец, – буркнул Спирос, – и, скручивая шнурь, добавил: –

Можно было бы с ним поделикатнее. Видимо, наш коллега.

– Что, тоже губки ловит?

Спирос всегда сердился, когда его укоряли этими самыми губками, а потому, запихивая гитару в дерматиновый чехол, укоризненно выдохнул:

– Меня, между прочим, в «Афродиту» приглашали. У них там басист заболел. Девяносто драхм за вечер. И еще дармовой ужин.

– Ну так давай… кто тебя держит. Будешь Элвиса Пресли на контрабасе лабать…

– Да хватит вам, ей-богу, – подал голос Манол. – Можно было, действительно, поделикатнее… с англичанином. Он что, живя в Британии, не слышал про «битлов»? Да он их, думаю, живьем видел… И не раз.

Никос и сам понял, что вспомнил не ту фразу. Сев на край эстрады, парень устало перевел дыхание. Вспомнил, как сам играл в дансинг-холле «Афродиты» – шикарного отеля класса делюкс. Пришлось разучить несколько песен из репертуара Элвиса Пресли и Фрэнка Синатры. Играл там, правда, только неделю: гитарист, которого подменял, вышел из запоя. Да такой беды. Ему и недели хватило, чтобы возненавидеть тамошнюю публику, а тем более, тамошний музыкальный репертуар. Гостиничные музыканты лабали одни блюзы да идиотские песенки из голливудских фильмов.

– Ну, так я пошел? – вопросительно выдохнул за спиной Йорго. – Барабанщик занес в будку ударную установку, навесил замок и собирался идти домой.

Никос пашарил в карманах, вытащил несколько монет, протянул другу. Деньги Йорго нужны как никому. Отец его еще весной подался на заработки в Германию и до сих пор не отозвался. Ляпнув барабанщика по плечу, Никос поднялся на ноги, зевнул – он работал охранником на автостоянке и намедни отработал ночную смену, – и с хрустом в суставах потянулся.

Выходя с танцплощадки, Никос бросил взгляд на угрожающую надпись: «Вход во время репетиции ансамбля запрещен!» «Надо будет продублировать по-английски, чтобы не таскались… всякие», – с этой мыслью вскинул на плечо гитару и широким шагом направился в сторону таверны дядьки Михалаки.

Дядька Михалаки, родной брат матери, стоял за стойкой и протирал стаканы. Таверна находилась недалеко от пляжа и здесь всегда было полно посетителей. В основном, это были скандинавы, что снимали домики на побережье. Они здесь завтракали и пили «Рецину» – белое эгейское вино. Сейчас таверна была пуста. Первые посетители появлялись в половине девятого.

– Что, опять все деньги на пластинки пустил? – дядька глянул на солнце сквозь вымытый стакан.

– Все, – кивнул племянник. – На прошлой неделе Никос ездил в Салоники и купил там с рук новый альбом «Битлз».

Дядька покачал головой, пошел на кухню, вынес миску горячей мусаки и зеленоватый лимон на блюдце.

– Завтра зарплату получу… за танцы. Тогда отдам.

– Да не надо мне твоих денег, – дядька взъерошил племяшу волосы на макушке, – только подстригись. А то зарос как Тарзан.

Мусака обожгла нёбо и племяша задышал, как тот пёс на жаре.

– Да не хватай… только что с плиты.

Тушеная говядина с баклажанами и картофелем – мусака – была фирменным блюдом таверны.

– Ну, как фотка? Посетители интересуются? – спросил племянник, поливая мусаку лимонным соком.

– Интересуются. Особенно финны.

Дядька набросил полотенце на плечо, подошел к снимку, что висел на стене.

– Не знают только вот этого, что сидит справа. Все время спрашивают, а я и сам не знаю…

– Стюарт Сатклифф. Умер в 62-м году.

Снимок молодых «битлов», где они были сняты на фоне товарного вагона, Никос специально возил в Салоники. Там его увеличили, отретушировали и наклеили на серое паспарту. А на прошлой неделе, под недовольное бурчание дядьки, племянник прикрепил снимок к стене.

– Один финн даже просил продать, – дядька Михалаки прищурил глаза. – Глянешь на них – чистые оболтусы. У одного вон и носков нет – туфли на голую пятку натянул. Как его фамилия?

– Джордж Харрисон, – пробормотал племянник, не подымая головы.

– Разгонят скоро вашу джаз-банду, – дядька хукнул в стакан, подошел к стойке.

– У нас не джаз-банда, а бит-группа.

– Все равно разгонят. Что же вы… с шести утра гремите, спать людям не даете.

В шесть утра у Никоса заканчивалась ночное дежурство, и он сразу же бежал на танцплощадку. Репетировать днем не было возможности, так как все остальные музыканты работали, а поэтому и приходилось «гребеть» с самого утра. И хотя усилители работали на самом тихом режиме, да и пели они вполголоса, но все равно получили письменное предупреждение из полиции.

– Э-эх, нет отца. Некому было мозги прочистить. Теперь вот бегай, как тот Харрисон, без носков на пятках.

Отца своего Никос не помнил. Тот погиб летом 1949 года, когда их партизанский отряд пытался уйти в Албанию.

Дядька включил транзистор. По радио передавали концерт ансамбля песни и танца под руководством Доры Страту. Дядька закивал в такт музыке головой, а племянник лизнул политые лимонным соком пальцы и перекривился. Он не любил народных песен.

* * *

У пирса коротко рыкнул буксир и Никос открыл глаза. Летом, после ночного дежурства, он всегда был бодрым, а сейчас, осенью, стоило только присесть – хоть на камень у берега, хоть, как сейчас, на ящик из-под апельсин, – и его сразу же одолевал сон. Летом на дежурстве можно было пару часов покемарить. Теперь же, когда из машины одного скандинава стащили портативный магнитофон (хорошо еще, что не в его смену), охранникам стало не до сна. Всю ночь приходилось ходить вокруг стоянки.

Йорго тоже клонило ко сну и, чтобы разогнать стремительную дремоту, он то и дело бил по большой тарелке. Барабанщик за лето похудел: рубашка болталась на тощей фигуре, лицо покернело от загара, и только глаза, даже осоловевшие от дремоты, по-прежнему блестели корсарским блеском.

Ждали Манола. Сейчас они играли на танцах втроем, без басиста. В августе Спирос поехал в Салоники и обратно не вернулся. Остался жить у старшего брата.

Ветерок с моря холодил грудь. Никос вздрогнул, прижался щекой к гитарной деке, и услышал, уже сквозь сон, придушенный крик. Манол бежал, одной рукой придерживая гитару, что болтала за спиной, а второй размахивая газетой.

– Пол Маккартни! – задыхаясь кричал Манол.

– Что… Маккартни? – Никос медленно поднялся на ноги. – Йорго тоже поднялся, да так порывисто, что опрокинул стойку и латунная тарелка с грохотом рухнула на пол.

– Мать завтрак закручивала, а я… случайно увидел, – пролепетал Манол, на бегу выпрямляя на груди помятую газету.

Никос выхватил газету, пробежал глазами текст.

– «Официальное заявление Папандреу…»

– Да не то… – скривился Манол, – ниже глянь…

– «Участник знаменитого ансамбля «Битлз» Пол Маккартни дал интервью BBC. Он, в частности, поведал корреспонденту, что этим летом отдыхал на одном из греческих островов. Пол Маккартни заявил, что приехал в Грецию инкогнито, и это спасло его от преследования многочисленных фанатов. Музыкант также сообщил, что и там, на острове, звучали «битловские» песни. Их исполнял местный бит-квартет. Ребята, по свидетельству музыканта, играли с ошибками. Пол Маккартни искренне пожалел, что не смог сыграть «She Loves You» вместе со своими молодыми коллегами».

Никос прочитал текст вслух, потом одними глазами, наконец, почувствовав на шее горячее дыхание друзей, рассеянно посмотрел по сторонам. От прочитанного слегка кружилась голова. Сюда, к ним, на эту загаженную чайками и засоренную миндалевой скорлупой танцплощадку приходил Пол Маккартни?!

Никос опустился на ящик.

– «Гита-ары… в руках не держал», – с обидой в голосе произнес Манол, и Никос, понурив глаза, процедил: – Да не вякай ты… без того тошно.

Щемящая обида охватила душу. Обида на Пола Маккарти, которого он боготворил; на друга Спироса, который не ответил на два его письма; на этот выжженный солнцем остров, где ему довелось родиться и жить… Никосу вдруг до спазмы в горле захотелось плакать. Еще мгновение он сидел неподвижно, потом поднялся, отбросил ногой ящик из-под критских

апельсин и, крикнув Манолу чтобы тот подключил гитару, до упора крутанул ручку громкости. Тело окатила нервная лихорадка, которая передалась струнам.

– She loves you yeah! yeah! yeah! She loves you yeah! yeah! yeah!..

Песня согнала с пирса стаю крикливых чаек, шевельнула занавески в таверне дядьки Михалаки, разбудила морские волны, что с мягким шелестом накатили на берег. И утренний паром, который шел на Родос, присоединил сиплый гудок к бесшабашной «битловской» песне.

Смерть Степана Кузьмича

Открыв дверь, Степан Кузьмич взглянул на блеклую табличку с надписью «Секретарь парткома Ананко М.С.» и с мыслью «надо заменить» вошел в кабинет.

Все было на месте: стол, истоптанный коврик, чахлая герань на подоконнике, книжный шкаф с полным собранием сочинений. Отсутствовал только сейф, который стоял в углу, и лучи неяркого света освещали пыльный квадрат на полу.

– Взял все-таки, – вслух проговорил новоиспеченный хозяин кабинета.

Сейф был только снаружи сейфом. Внутри этой бронированной тумбы располагался бар с холодильником, и потому не удивительно, что Ананко приказал перетащить его на новое место работы.

Плюхнувшись в кресло, освобожденный секретарь парткома сцепил пальцы рук, запрокинул голову, собираясь, как видно, потянуться, и заметил отсутствие еще одной вещи – там, за спиной, где во все времена висел портрет Ильича, теперь торчал покореженный гвоздь с обрывком веревки.

– Крохобор, – в сердцах выдохнул хозяин кабинета, и рука его потянулась к телефону.

Степан Кузьмич набрал номер сборочного цеха, прикусил губу, слушая протяжные гудки, а услышав запыхавшийся голос Корозы, спросил:

– Как дела?

Начальник сборочного начал что-то говорить, но Степан Кузьмич перебил его новым вопросом:

– Как там Гастюгин?.. Живой?

– Живой! – ответил Короза после паузы, и эта пауза означала, что Гастюгин хоть и выпивши, но работать может.

– Пусть зайдет. Нужно табличку изготовить, – сказал Степан Кузьмич, положил трубку и придинув к себе настольный календарь.

Листки календаря были густо усыпаны писаниной: «Позвонить первому», «Достать шифер», «Собрать взносы в сборочном». Сегодняшний день, первого ноября, был отмечен странной фразой: «Оформить Ленина по шестому разряду». Фраза эта привела Степана Кузьмича в некоторое замешательство. Он нахмурился, потер ладонью затылок и после раздумий отодвинул календарь на край стола. «Хотел, по-видимому, Ленина на работу оформить... каким-нибудь почетным слесарем, а деньги в карман положить», – подумал Степан Кузьмич и, взглянув на согнутый гвоздь за спиной, беззвучно прошептал: «Хапуга!»

О том, что Ананко пошел на повышение, он узнал только в пятницу, когда вернулся из санатория. Сообщила эту новость жена. Гreta Михайловна не поленилась приехать на вокзал, и не успел муж соскочить с вагонной подножки, как жена чмокнула его в щеку и взволнованным голосом выдала:

– Ананко в ЦК взяли. В промышленный отдел. Тебя на его место садят.

После санаторных процедур он почти не чувствовал сердечных сбоев, а тут, услышав такое, схватился за грудь. Став посреди перрона, Степан Кузьмич закрыл глаза, забросил в рот таблетку валидола и очнулся только, когда в спину ему заехали дорожным баулом. Здесь же, на перроне, жена упомянула о прощальном банкете на загородной базе, рассказала – кто напился, а кто – нет, и в дополнение сообщила, что генеральный директор плакал и грозился положить партбилет на стол, если промышленностью будут управлять такие, как Ананко.

Два дня, субботу и воскресенье, новоиспеченный секретарь парткома не отходил от телефона. Звонили друзья и знакомые. Друзья спрашивали о здоровье, о сочинской погоде, о ценах на хурму... После каждого такого звонка Степан Кузьмич щелкал подтяжками, с деланным неудовольствием говорил: «Утомили», – но при каждом новом звонке бросался к тел-

фону, обгоняя на полпути любимую жену. И вот в понедельник, раскинувшись в секретарском кресле, он в который уже раз стал перечислять фамилии тех, кто его поздравил, и за этим приятным занятием его застал звонок внутренней связи.

– Степан Кузьмич! К вам посетитель, – игривый голос секретарши покрыло густое гудение.

Убирая фон, Степан Кузьмич щелкнул тумблером.

– Кто там? Гастюгин из сборочного?

– Да нет… здесь… – секретарша на мгновение замолчала, – переспрашивала, видимо, фамилию посетителя и, сдерживая смех, сообщила: – Товарищ Бурых к вам рвется.

Готовясь к приему посетителя, Степан Кузьмич взял ручку, нарисовал на листе чертика, а когда взглянул на дверь и увидел посетителя, ручка выскользнула из пальцев и с тихим лязгом упала на пол. В кабинет входил… Владимир Ильич Ленин. Да, ошибки быть не могло: это был Ленин! Солнечные блики сверкали на могучей лысине, острая бородка слегка дрожала, а палец правой руки был запихнут в карман жилетки. Сделав несколько шагов, Владимир Ильич рассеянно посмотрел на Степана Кузьмича и, зацепившись ногой за коврик, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.